

Действительность остается единственным источником художественного вдохновения не потому, что содержит в себе, в любых условиях, готовые образцы прекрасного и возвышенного, а потому, что во всей сложности своих проявлений она всегда чревата многозначными, с эстетической точки зрения, соотношениями. Вследствии чего — чем вернее будет изображать художник жизнь, тем богаче будут произведения такого рода открытиями.

На этой стадии нашей аргументации становятся необходимыми некоторые социально-исторические ссылки. Как это общеизвестно для определения (дифференциальной) специфики реализма второй половины XIX века определение «критический» было предложено из-за того что эстетическим пафосом этого реализма были разоблачение, демистификация, демифизация. Попутно добавим, что в этом контексте делается очевидной ошибка тех, которые склонны сводить сущность критического реализма к механическому соединению понятий, обозначенных двумя составными терминами. Вследствие чего все то, что является в литературе и реалистическим и критическим декретируется как принадлежащее к критическому реализму. Таким образом стало возможным, например, чудовищное включение в критический реализм Крылова или рассуждения о существовании критически-реалистического течения внутри социалистической литературы. Но теряется из виду то, что большая часть произведений, принадлежащих к классицизму, являются в то же время и реалистическими и критическими. Острокритическим по отношению в буржуазной действительности был и романтизм, являя в то же время, в творчестве многих его представителей, определенную тенденцию сближения — в изображении жизни — с окружающей действительностью. Но когда глобальный пафос остается романтическим, само собой разумеется, что все произведение относится к романтизму. По нашему мнению поэзия Христо Ботева, или позднее Димитера Полянова — романтична, что вовсе не мешает ей быть созвучной требованиям эпохи. Что же касается критического реализма XIX века, то определяющим для него является не наличие критического острия как такового, а предпочтительный интерес к «демистификации», к тому что Ленин называл, говоря о Толстом, «срыванием всех и всяческих масок». Ложность буржуазной идеализации должна была быть доказана раскрытием правды во всей ее наготе посредством воспроизведения жизни без всяких преград и ограничений. Таким образом критический реализм формировался, противопоставляя себя не только романтизму, но и классицизму, эстетика которого, как мы это видели, была эстетикой ограниченного реализма. Действительность становилась вновь исключительной обладательницей эстетических ценностей, но не как хранительница каких-либо непреходящих компонентов, с точки зрения их отождествления с идеалом прекрасного, а благодаря тому, что она «выдерживала» вышеозначенную операцию искоренения всех антиэстетических проявлений. Другими словами, защита человеческой красоты совершалась не посредством ее изоляции от окружающей среды, как это делали романтики, а напористым проникновением в самую гущу этой среды. Беспощадное разоблачение всего того, что ведет к отчуждению, должно было способствовать укреплению самого человека в его борьбе с враждебными силами. А это не только означало реабилитацию практической деятельности с точки зрения эстетической, но придавало и художественному творчеству как таковому точно